

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.257.267>

КОСТЯНЫЕ (РОГОВЫЕ) ДЕТАЛИ ПЛЕТЕЙ В ПРЕДМЕТНОМ КОМПЛЕКСЕ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЯ ЧОБУРАК-I)¹

© 2023 г. Н.Н. Серегин, А.А. Тишкин, С.С. Матренин, Т.С. Паршикова

В статье представлены результаты изучения одной из довольно редких групп предметов – костяных (роговых) деталей плетей, обнаруженных в ходе раскопок объектов некрополя жужанского времени памятника Чобурак-I. Данный комплекс, исследованный экспедицией Алтайского государственного университета, расположен в Чемальском районе Республики Алтай. Детали плетей, составляющие наиболее многочисленную на сегодняшний день серию подобных изделий из опубликованных объектов булан-кобинской культуры, происходят из непогребенных захоронений четырех мужчин и одного подростка (курганы 29а, 30а, 31, 32, 38). Морфологический анализ находок, их классификация и сопоставление с материалами из памятников Северной и Центральной Азии раннего железного века и средневековья позволили определить функциональную принадлежность предметов, среди которых выделены части рукоятей и наконечники плетей, а также набалдашники (навершия) стеков. Уточнена хронология разных типов изделий в рамках первой половины I тыс. н.э. Установлено, что стеки с набалдашниками (навершиями) в виде массивных трубочек являлись показательными элементами материальной культуры кочевников Алтая второй половины IV – первой половины V вв. н.э. Подтверждено заключение о том, что плети выступали устойчивым маркером погребального инвентаря мужского населения рассматриваемого региона в эпоху Великого переселения народов.

Ключевые слова: археология, Алтай, эпоха Великого переселения народов, жужанское время, хронология, булан-кобинская культура, плеть, погребение.

BONE (ANTLER) DETAILS OF WHIPS IN THE ARTIFACT COMPLEX OF THE ALTAI POPULATION OF THE ROURAN PERIOD (ON THE MATERIALS OF THE CHOBURAK-I NECROPOLIS)²

N.N. Seregin, A.A. Tishkin, S.S. Matrenin, T.S. Parshikova

The article presents the results of the study of one of the rather rare groups of findings – bone (antler) parts of whips, revealed during the excavations of the objects of the Rouran period necropolis on the Choburak-I burial site. This complex, studied by the Altai State University expedition, is located in the Chemal district of the Altai Republic. The details of the whips, that make up the most numerous series of such items from the published objects of the Bulan-Koby culture, come from the burials of four men and one teenager (barrows 29a, 30a, 31, 32, 38). The morphological analysis of the finds, their classification and comparison with materials from the sites of North and Central Asia of the early Iron Age and the Middle Ages made it possible to determine the functional characteristics of the objects, among which parts of handles and ends of whips, as well as knobs (end-pieces) of crops were identified. The chronology of different types of items within the first half of the I millennium AD has been specified. It was found that crops with knobs (end-pieces) in the form of massive tubes were material culture indicative elements of the Altai nomads in the second half of the IV – the first half of the V centuries AD. The thesis that whips were a stable marker of the burial set of the male population of the region under consideration in the Great Migration period is confirmed.

Keywords: archaeology, Altai, Great Migration period, Rouran period chronology, Bulan-Koby culture whip, burial.

¹ Анализ и интерпретация комплекса осуществлены при финансовой поддержке РФФ №20-78-10037. Обработка материалов раскопок некрополя Чобурак-I проведена в рамках программы развития ФГБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030».

² The analysis and interpretation of the complex was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project №20-78-10037). Study of materials from the Choburak-I necropolis was carried out in the framework of "Priority-2030" Program by the Altai State University.

Введение

Плеть представляет собой приспособление в виде веревок или ремней, которые соединены с рукоятью, изготовленной обычно из древесины. Она применялась для управления конем при верховой езде, при выпасе скота, а при определенных обстоятельствах – в качестве специфического гибкого ударного оружия. На протяжении истории человечества существовали различные модификации плетей, состоявших из одного или нескольких плетеных «хвостов» из кожи или другого материала, объединенных кнутовищем (Бородовский, 1987, с. 32). При этом конкретная атрибуция разновидностей рассматриваемых изделий (плетки, нагайки, кнуты, бичи) из археологических комплексов в большинстве случаев затруднена из-за плохой сохранности рукоятей и отсутствия сведений о характере плетения ремней.

В ходе исследований археологических комплексов булан-кобинской культуры Алтая (II в. до н. э. – V в. н. э.) зафиксированы всего два деревянных кнутовища, которые представлены неопубликованными находками. В женском погребении некрополя Айрыдаш-I (курган № 80, раскопки А.С. Суразакова 1985 г.) сохранилась рукоять длиной 25 см, изготовленная из неошкуренного прута, обложенного по спирали бронзовой полоской. В захоронении мужчины из комплекса Белый Бом – II (курган № 12, погребение 3, раскопки Г.Д. Глобы 1980 г.) обнаружен «прут» длиной около 25 см, один конец которого имел место для захвата рукой, а другой – отверстие для крепления кожаного хлыста¹. Похожие плети с деревянной основой известны в памятниках скифо-сакского времени (Бородовский, 1987, с. 29, рис. 2: 1, 2; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 154–156, рис. 113; Шульга, 2010, рис. 82: 1–7).

Судя по имеющимся археологическим источникам, население булан-кобинской культуры Алтая достаточно часто использовало плети с отдельно изготовленными костяными (роговыми) деталями в виде трубочек разного размера. Интерпретация таких находок как элементов рукоятей плетей (нагаек) впервые предложена А.С. Суразаковым (1990, с. 199) и затем поддержана Ю.В. Тетериным (2016). Устройство большинства изделий могло быть примерно таким: в продольное отверстие трубочки длиной до 7 см пропускался кожа-

ный ремень, который завязывался с двух ее концов узлами, выступавшими естественными ограничителями для удобного захвата рукояти (Тетерин, 2016, с. 93). Обозначенное функциональное назначение таких предметов, на наш взгляд, подтверждают особенности их размещения *in situ* в захоронениях кочевников Алтая первой половины I тыс. н. э. – в области пояса умерших людей (почти исключительно мужчин), а также рядом со скелетами верховых коней, нередко в ситуациях, как если бы они были прикреплены к седлу.

Приведенное наблюдение, на наш взгляд, определяет меньшую обоснованность других вариантов интерпретации костяных (роговых) трубочек из памятников Алтая II в. до н. э. – V в. н. э. как игольников (Давыдова, 1995, с. 33; Савинов, 2009, с. 67; Соенов, 2017, с. 121), мундштуков для кожаных бурдюков (Миняев, 1998, с. 33), накосников (Вадецкая, 1999, с. 273, 275), которые были представлены без весомых аргументов. В обширной серии трубочек из археологических объектов рассматриваемого региона и сопредельных территорий последней четверти I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. не найдено ни одной иглы (Тетерин, 2016, с. 92)². В данном контексте весьма показательным, что в обобщенной серии погребений булан-кобинской культуры данные изделия входили почти исключительно (52 из 57 экземпляров) в состав сопроводительного инвентаря мужчин³.

Приходится констатировать, что дискуссионность вопроса о назначении рассматриваемых костяных (роговых) изделий в предметном комплексе населения булан-кобинской культуры Алтая в значительной степени определяется низкой степенью их изученности. Единственной специальной работой по обозначенной тематике остается статья Ю.В. Тетерина (2016), посвященная сравнительному анализу находок из памятников «гунно-сарматского» времени разных регионов Южной Сибири.

Обозначенные обстоятельства определяют актуальность разностороннего анализа как давно известных предметов, так и новых экземпляров, обнаруженных в хорошо документированных материалах из погребальных комплексов Алтая. Данная статья посвящена введению в научный оборот представительной серии костяных (роговых) деталей плетей из курганов жужанского времени некрополя

Чобурак-I, а также их интерпретации в контексте имеющихся находок из синхронных археологических объектов обозначенного региона и сопредельных территорий.

Характеристика источников

Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I расположен на правом берегу р. Катунь, к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. В составе данного разновременного памятника экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов настоящей статьи был полностью раскопан компактный некрополь из 12 погребальных объектов жужанского периода, датирующихся серединой – второй половиной IV в. н. э. (СерEGIN и др., 2019, 2022 и др.). Костяные (роговые) элементы плетей, составляющие наиболее многочисленную серию подобных изделий из опубликованных комплексов булан-кобинской культуры, происходят из непогребленных захоронений четырех мужчин и одного подростка.

Курган № 29а. Изделие (рис. 1: 1; 2: 1) в виде гладкой трубочки (длина 6 см, диаметр 1,5 см) обнаружено в области пояса подростка 13–15 лет (здесь и далее половозрастные определения выполнены к.и.н. С.С. Тур), с правой стороны.

Курган № 30а. Предмет (рис. 1: 6; 2: 6) обнаружен между левой бедренной костью мужчины 30–40 лет и костями задней ноги лошади. Он представляет собой изогнутый цилиндр (длина 7,3 см, диаметр 1,6–2,7 см) с глухим продольным и двумя сквозными поперечными отверстиями. Последние расположены в одной проекции и имеют разные размеры: большое 2,3×1,5 см, малое 0,5 см.

Курган № 31. В районе пояса мужчины около 40 лет, с правой стороны, лежал обломок трубочки длиной 3,6 см и диаметром 1,3–1,5 см (рис. 1: 2; 2: 3). Под костями задней ноги лошади находился изогнутый цилиндр (длина 6,7 см, ширина 2,3–3 см) со сквозными продольным и двумя поперечными отверстиями (большое имеет размеры 2,7×1,5 см, а малое – диаметр 0,5 см), расположенными в разных проекциях (рис. 1: 7; 2: 7).

Курган № 32. Среди ребер мужчины 25–30 лет зафиксирована трубочка длиной 5 см, диаметром 1,4–1,7 см (рис. 1: 3; 2: 4). На ее боковых сторонах, которые оказались непараллельными, имеется сквозное поперечное

отверстие размером 0,5×0,6 см. Предмет декорирован резным орнаментом.

Курган № 38. В могиле мужчины 25–30 лет найдены три изделия: на поясе слева – трубочка длиной 5,5 см, шириной 1,5 см (рис. 1: 4; 2: 2); у левого бедра – трубочка длиной 3,8 см и шириной 1,1–1,6 см, с выраженным расширением у одного конца и со сквозным поперечным отверстием диаметром около 0,4 см (рис. 1: 5; 2: 5); между ног человека выше колен – достаточно массивная трубочка длиной 7,4 см, шириной 2,8–3,8 см с двумя поперечными боковыми отверстиями разного размера (3×2,3 см и 0,6 см), расположенными в одной проекции (рис. 1: 8; 2: 8).

Представленная коллекция из восьми предметов характеризуется определенным разнообразием хорошо сохранившихся и незначительно поврежденных экземпляров, что позволяет осуществить их классификацию и типологический анализ.

Анализ материалов

Все зафиксированные элементы плетей из объектов некрополя Чобурак-I были подвергнуты таксономической систематизации по следующим показателям: материал (группа); конструкция изделия (разряд); поперечное сечение (раздел); наличие или отсутствие сквозных боковых отверстий, а также их размер (отдел); форма и пропорции корпуса (тип); особенности декора (вариант). В результате выделены одна группа, два разряда, один раздел, три отдела, три типа, четыре варианта изделий.

Группа I. Костяные (роговые). Изделия вырезаны из цельной прямой или слегка изогнутой кости (рога).

Разряд I. Узкие трубочки (диаметр до 2 см) со сквозным продольным отверстием.

Раздел I. Округлые. Поперечное сечение в основном повторяет исходную форму заготовки.

Отдел I. Без боковых отверстий.

Тип I. Цилиндр вытянутых пропорций с одинаковой шириной концов. Трубочки имеют прямые (параллельные) или слегка вогнутые боковые стороны. *Вариант а* – без декора. Включает три экземпляра из курганов № 29а, 31, 38. Длина изделий составляет 5,5–6 см, а ширина – 1,3–1,5 см (рис. 1: 1, 2, 4; 2: 1–3).

Отдел II. С одним сквозным боковым (поперечным) отверстием небольшого диаметра.

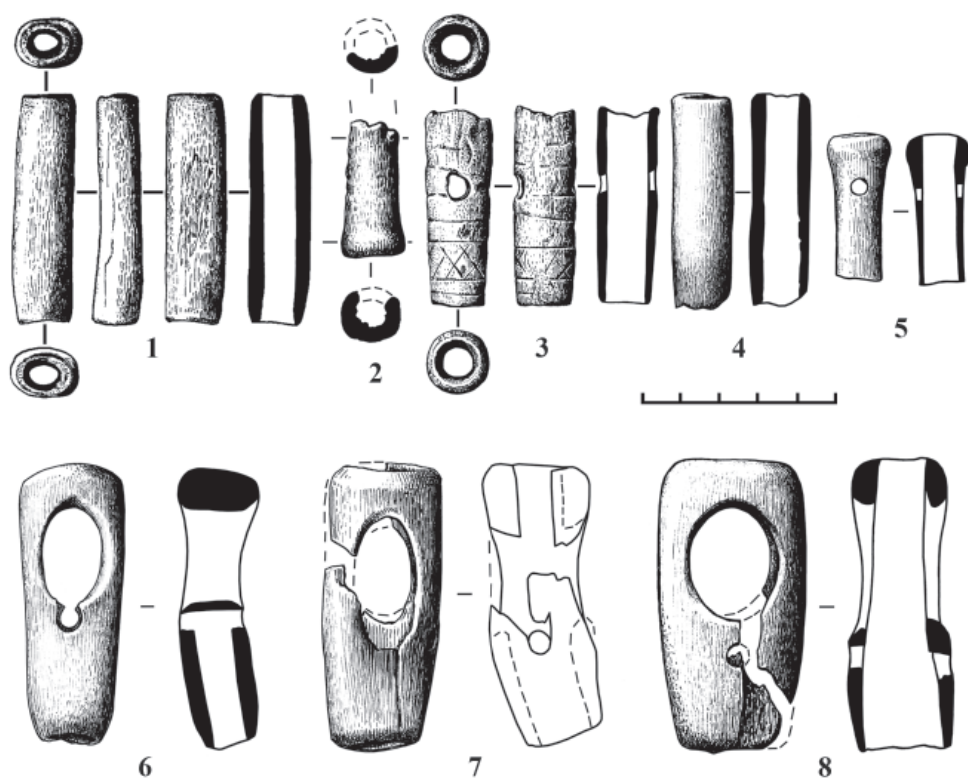

Рис. 1. Костяные (роговые) детали плетей из объектов некрополя Чобурак-I:

1 – курган №29а; 2, 7 – курган №31; 3 – курган № 32; 4, 5, 8 – курган №38; 6 – курган № 30а.

Fig. 1. Bone (antler) details of whips from the Choburak-I necropolis:

1 – barrow No. 29a; 2, 7 – barrow No. 31; 3 – barrow No. 32; 4, 5, 8 – barrow No. 38; 6 – barrow No. 30a.

тра (до 0,5 см), расположенным в основном ближе к окончанию трубочки.

Тип 2. Цилиндр вытянутых пропорций с разной шириной концов. Трубочки имеют непараллельные боковые стороны и выраженное расширение у одного конца. *Вариант а* – без декора. Включает один экземпляр из кургана № 38. Длина изделия составляет 3,8 см, ширина – 1,1–1,6 см, диаметр сквозного поперечного отверстия – около 0,4 см (рис. 1: 5; 2: 5). *Вариант б* – с резным орнаментом в виде горизонтальных линий и косой сетки. Включает один экземпляр из кургана № 32. Длина предмета 5 см, ширина 1,4–1,7 см, размер сквозного отверстия 0,5×0,6 см (рис. 1: 3; 2: 4).

Разряд II. Широкие трубочки (диаметр в наибольшей части составляет свыше 2 см) с продольным сквозным или глухим отверстием.

Раздел I. Округлые.

Отдел III. С двумя сквозными боковыми отверстиями: большим (свыше 2 см) овальной или округлой формы и малым (до 0,5 см), расположенными в одной или разных проекциях.

Тип 3. Слегка изогнутый цилиндр с разной шириной концов. *Вариант а* – без декора. Включает три экземпляра из курганов № 30а, 31, 38. Длина варьирует от 6,7 до 7,4 см, ширина у одного края составляет 1,6–2,8 см, у другого – 2,7–3,8 см. Большое поперечное отверстие имеет размеры 2,3–3×1,5–2,3 см. Диаметр малого поперечного – 0,5–0,6 см (рис. 1: 6–8; 2: 6–8).

Имеются основания для идентификации следующих изделий среди классифицированных предметов: часть рукояти (типы 1а, 2б), наконечник (тип 2а), набалдашник (тип 3а). Предлагаемая функциональная атрибуция вещей основана на их сходстве с находками элементов плетей и стеков из археологических памятников Северной и Центральной Азии раннего железного века и Средневековья (Бородовский, 1993, с. 180–184; Кубарев, 2005, с. 78–80; Троицкая, Кандыба, 2007, с. 298–302; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 154–156, рис. 113; Шульга, 2010, с. 70–71, рис. 82).

Результаты систематизации имеющейся серии изделий являются основой для рассмотрения общих, особенных и единичных

Рис. 2. Костяные (роговые) детали плетей из объектов некрополя Чобурак-I: 1 – курган № 29а; 2, 5, 8 – курган №38; 3, 7 – курган № 31; 4 – курган №32; 6 – курган № 30а.

Fig. 2. Bone (antler) details of whips from objects of the Choburak-I necropolis: 1 – barrow No. 29a; 2, 5, 8 – barrow No. 38; 3, 7 – barrow No. 31; 4 – barrow No. 32; 6 – barrow No. 30a.

характеристик элементов плетей, использовавшихся кочевниками булан-кобинской культуры, а также для установления их датировки с привлечением актуальных аналогий из археологических памятников сопредельных территорий.

Обсуждение результатов

Представляется возможным утверждать, что в большинстве рассмотренных погребений некрополя Чобурак-I находились плети, имевшие рукоять, снабженную узкой костяной трубочкой длиной до 5 см, в которую, вероятно, пропускался кожаный ремень, завязывавшийся с двух ее концов узлами (Тетерин, 2016, с. 93). При этом нельзя исключать и другой вариант конструкции изделий, когда в трубочку вставлялась деревянная палочка с кожаной оплеткой, к которой прикреплялся хлыст⁴.

Плети с костяными (роговыми) трубочками-рукоятями в виде узких цилиндров без боковых отверстий и декоративного оформления (тип 1а) в Центральной Азии достаточно широко использовали хунну во II в. до н. э. – I в. н. э. (Давыдова, 1995, табл. 11: 7; 106: 3; 120: 6; 121: 12; 122: 14; 140: 13; 1996, табл. 13: 13; 20: 10; 23: 15; 34: 15–16; 41: 20; 58: 10; 63: 6; Миняев, 1998, табл. 7: 31; 39: 1; 57: 11; 89: 20; 102: 2; 108: 16; и др.). Подобные изделия также известны в памятниках Минусинской котловины I в. до н. э. – III в. н. э. (Тетерин, 2016, с. 90–91). На территории Тувы ранние находки таких предметов происходят из комплекса улуг-хемской культуры памятника Бай-Даг-II (I в. до н. э. – I в. н. э.). Аналогичные костяные (роговые) предметы встречены в объектах Верхнего Приобья и северо-западных предгорий Алтая, относящихся ко второй половине

IV – V вв. н. э. (Грязнов, 1956, табл. XLV: 8; Горбунов, Демин, Ситников, 2004, рис. 3: 12). Судя по всему, плети с костяными (роговыми) частями рукоятей рассматриваемого облика получили распространение у народов Алтае-Саянского региона под влиянием хуннской традиции. При этом в булан-кобинской культуре данные предметы характерны для II–V вв. н. э. (Гаврилова, 1965, рис. 5: 2; Мамадаков, 1990, рис. 16: 12; 46: 15; Соенов, Эбель, 1992, рис. 42: 14; Могильников, Суразаков, 2003, рис. 29: 2; Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 21: 2; Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2014, рис. 6: 21–22; Тетерин, 2016, рис. 2: 2–4; Серегин и др., 2022, табл. 30: 1).

В коллекции из некрополя Чобурак-I детали плетей в виде узких трубочек с одним сквозным боковым отверстием небольшого диаметра, имеющих форму цилиндра с разной шириной концов, представлены двумя изделиями. Среди них отметим неорнаментированный экземпляр (тип 2а), который, судя по зафиксированному *in situ* расположению в погребении из кургана № 38, вероятно, использовался в качестве наконечника на верхнюю часть деревянного кнутовища. Похожие трубочки небольшого размера являются достаточно многочисленной находкой в памятниках кокзельской культуры Тувы (вторая половина III – IV вв. н. э.) (Дьяконова, 1970, табл. XIII). На Алтае костяное (роговое) изделие типа 2а обнаружено в комплексе жужанского времени (вторая половина IV – первая половина V вв. н. э.) могильника Дялян (Тетерин, 2016, рис. 2: 5). В свою очередь, трубочка, украшенная резными линиями и косой сеткой (тип 2б) из кургана № 32 некрополя Чобурак-I, могла использоваться как в качестве элемента рукояти, так и для оформления окончания деревянной части плети. Данный предмет не имеет точных аналогий. В археологических материалах Алтая нам достоверно известно только одно близкое по облику изделие с сетчатым узором (декорированное резными валиками и без бокового отверстия) из комплекса Булан-Кобы-IV (Мамадаков, 1990, рис. 29: 4), относящегося ко второй половине III – первой половине IV вв. н. э.

Определенным своеобразием характеризуются костяные (роговые) пронизи в виде широких (2,1–3,8 см) и массивных, слегка изогнутых трубочек с продольным сквозным или глухим отверстием (тип 3). Все они

имеют два сквозных поперечных отверстия (большое и малое). При этом отверстие меньшего размера, вероятно, использовалось для закрепления петли-темляка. Обозначенные предметы обнаруживают значительное сходство с деталями нагаек из Новотроицкого некрополя каменной культуры VI–III вв. до н. э. Алтайской лесостепи, а также из близких по им времени объектов скифо-сакского времени Восточного Туркестана (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 154–155, рис. 113; Шульга, 2010, с. 70–71, рис. 82)⁵. Функциональное назначение этих изделий у булан-кобинцев могло быть иным. В качестве одной из версий мы допускаем, что они являлись набалдашниками рукоятей, определенно напоминая своим обликом массивные навершия плетей и стеков (Кирпичников, 1975, с. 70–75; Бородовский, 1993, с. 180–181, рис. 1–3; Кубарев, 2005, с. 78–79; Троицкая, Кандыба, 2007, с. 298–302). Показательно, что костяные (роговые) изделия типа 3 в погребениях булан-кобинской культуры размещались с сопроводительным захоронением верхового коня либо в ногах человека, в непосредственной близости от животного. В известных на сегодняшний день материалах с территории Алтая такие предметы происходят из памятников, относящихся ко второй половине IV – первой половине V вв. н. э. (Верх-Уймон, Дялян, Катанда-I, Степушка, Яломан-II) (Тетерин, 2016, с. 91, рис. 2: 1; Соенов, 2017, с. 122, рис. 9: 1; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 39: 3, 4). С учетом всех находок серия рассматриваемых изделий насчитывает девять экземпляров. Вероятно, от «булан-кобинцев» подобные вещи попали в северные предгорья Алтая к населению майминской культуры (Кунгурова, Абдулганеев, 2019, рис. 72: 13).

Изучение особенностей расположения рассмотренных костяных (роговых) изделий, зафиксированных *in situ* в захоронениях, дает основание предположить, что группа булан-кобинцев, оставившая могильник Чобурак-I, использовала плети с вариативным составом деталей и стеки. В кургане № 29а находилась плеть, в состав рукояти которой входила трубочка от рукояти. В кургане № 30а, по-видимому, находился стек с набалдашником (навершием). В кургане № 32 плеть была снабжена небольшой трубочкой, которая могла быть как частью рукояти, так и наконеч-

ником. В кургане № 31, судя по месту обнаружения изделий, на поясе находилась плеть с костяной (роговой) трубочкой от рукояти, а в 120 см ниже нее, у ноги лошади, – стек с набалдашником (навершием). В кургане № 38 зафиксированы плеть, имевшая рукоять с трубочкой и наконечником, и стек с набалдашником (навершием).

Отметим, что изученные материалы подтверждают правомерность рассмотрения данных костяных (роговых) изделий в качестве одного из маркеров погребального инвентаря мужской части населения булан-кобинской культуры (Серегин, Матренин, 2020, с. 59–62, табл. 1). При этом подобные предметы происходят из захоронений представителей разных слоев социума кочевников Алтая II–V вв. н. э.

Заключение

Анализ представительной серии костяных (роговых) деталей плетей и стеков из непогребленных захоронений жужанского времени некрополя Чобурак-I стал основанием для выделения общих, особенных и единичных черт данной категории предметов в культуре населения булан-кобинской общности. Сравнительное изучение имеющихся материалов с опорой на известные аналогии в археологических памятниках разных регионов Азии позволило с большой долей вероятности определить функциональную принадлежность изделий, среди которых выделяются части рукоятей и наконечники плетей, а также набалдашники (навершия) стеков. Важным результатом стало уточнение датировки неко-

торых типов вещей в рамках первой половины I тыс. н. э. Исследование классифицированных экземпляров показало, что плети с рукоятью, снабженной узкой костяной (роговой) трубочкой с гладким корпусом, появившиеся в Алтае-Саянском регионе под влиянием центральноазиатских хунну, получили распространение у булан-кобинцев во II–V вв. н. э. В свою очередь, стеки с набалдашниками (навершиями) в виде массивных трубочек являлись показательными элементами материальной культуры населения Алтая второй половины IV – первой половины V вв. н. э. Вероятно, в рамках дальнейшей работы по уточнению относительной хронологии отдельных экземпляров определенное значение будет иметь анализ особенностей декоративного оформления изделий.

Расположение рассмотренных артефактов *in situ* в захоронениях позволило высказать предположение об использовании кочевниками, оставившими некрополь Чобурак-I, плетей с разным составом костяных (роговых) деталей. Важно подчеркнуть, что практика изготовления обозначенной группы предметов носителями булан-кобинской культуры генетически не связана с местным наследием племен Алтая скифо-сакского времени (вторая половина VI – III вв. до н. э.). Документированные находки из памятника Чобурак-I подтверждают высказанное ранее предположение о возможности рассмотрения плетей в качестве маркеров погребального инвентаря мужского населения Алтая в эпоху Великого переселения народов.

Благодарности:

Выражаем благодарность сотрудникам Государственного Эрмитажа К.В. Чугунову и Н.Н. Николаеву за возможность ознакомления с альбомом иллюстративного материала к отчету А.М. Мандельштама.

Примечания:

¹ Неопубликованные материалы раскопок памятника Айрыдаш-I были любезно показаны А.С. Суразаковым одному из авторов данной статьи в 2003 г. Деревянная рукоять плети из могильника Белый Бом – II, хранящаяся в фондах Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, изучена в 2007 г.

² К более позднему времени относится случай обнаружения железной иглы в небольшой костяной (роговой) трубочке, зафиксированной в ходе раскопок раннесредневекового погребения комплекса Юстыд-XIV на Алтае (Кубарев, 2005, с. 76, рис. 22: 8, 9).

³ В трех случаях они зафиксированы в захоронениях детей и подростков, а в двух – в женских могилах (Серегин, Матренин, 2020, с. 36).

⁴ В данном контексте следует отметить костяную трубочку из могильника Белый Бом – II (раскопки Ю.Т. Мамадакова в 1989 г.), в которой сохранился фрагмент от вставленного вовнутрь деревянного кольщика (коллекция № 117 Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета).

⁵ Судя по археологическим материалам из Синьцзяна, массивные костяные пронизи могли крепиться посередине хлыста для соединения нескольких ремней, а также выполнять функцию стабилизатора (утяжелителя) относительно легкого хлыста (Шульга, 2010, с. 71, рис. 82: 10).

ЛИТЕРАТУРА

Бородовский А.П. Плетни и возможности их использования в системе вооружения племен скифского времени // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 28–39.

Бородовский А.П. Плетни и стеки в экипировке раннесредневекового всадника Юга Западной Сибири // Военное дело населения Юга Западной Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1993. С. 179–187.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: АН СССР, 1965. 146 с.

Горбунов В.В., Демин М.А., Ситников С.М. Погребение воинов эпохи великого переселения народов на Верхнем Алее // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. С. 18–36.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / МИА. № 48. М.; Л.: АН СССР, 1956. 163 с.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище / Археологические памятники сунну. Вып. 1. СПб.: АзиатИКА, 1995. 287 с.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник / Археологические памятники сунну. Вып. 2. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 176 с.

Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль / Труды ТКАЭЭ. Т. III. / Отв. ред. Л.П. Потапов. Л.: Наука, 1970. С. 80–209.

Киртичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / САИ. Е1-36. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 140 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С. Материалы сянбийского времени погребально-поминального комплекса Тыткескень-VI на Алтае // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2 (10). С. 5–24.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Кунгурова Н.Ю., Абдулганеев М.Т. Майминская культура. По материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины 1-й половины I тыс. н.э. Барнаул: Алт. ун-т, 2019. 214 с.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник / Археологические памятники сунну. Вып. 3. СПб.: АзиатИКА, 1998. 233 с.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Ябоган-III // Археология и этнография Алтая. Вып. 1 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: Институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. С. 26–63.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: ИИМК РАН, 2009. 226 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Алт. ун-т, 2020. 268 с.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-I // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4 (28). С. 51–68.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени Чобурак-I (Северный Алтай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. №1. С. 122–133.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-I). Барнаул: Алт. ун-т, 2022. 276 с.

Соенов В.И. Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии. 2017. № 8 (20). С. 117–142.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.

Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катуни / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1990. С. 197–200.

Тетерин Ю.В. Рукояти плетей кочевников хуннского времени Южной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 3. С. 87–96.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Алт. ун-т, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка) / Археологические памятники Алтая. Вып. 3. Барнаул: Алт. ун-т, 2018. 368 с.

Троицкая Т.Н., Кандыба А.В. Стеки из Верхнего Приобья // Рыцарь сибирской археологии / Отв. ред. С.С. Тихонов. Омск: Омск. ун-т, 2007. С. 298–302.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: АлтГТУ, 2010. 238 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Алт. ун-та, 2009. 329 с.

Информация об авторах:

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, зав. лабораторией, доцент, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); nikolay-seregin@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, зав. кафедрой, профессор, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); tishkin210@mail.ru

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); matrenins@mail.ru

Паршикова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); taty-parshikova@yandex.ru

REFERENCES

Borodovskii, A. P. 1987. In Medvedev, V. E., Khudyakov, Yu. S. (eds.). *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii (Military Arts of the Ancient Population of Northern Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 28–39 (in Russian).

Borodovskii, A. P. 1993. In Medvedev, V. E., Khudyakov, Yu. S. (ed.). *Voennoe delo naseleniya Yuga Zapadnoy Sibiri i Dal'nego Vostoka (Warfare of the population of the south of the Western Siberia and the Far East)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 179–187 (in Russian).

Vadestkaya, E. B. 1999. *Tashtykская эпоха в древней истории Сибири (Tashtyk era in the ancient history of Siberia)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).

Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. (Kudyrge Burial Mound as a Source on the History of Altai Tribes)*. Moscow, Leningrad: the Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Gorbunov, V. V., Demin, M. A., Sitnikov, S. M. 2004. In Khudyakov, Yu. S. (ed.). *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentralnoi Azii (Military Art of the Peoples of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk University Publ., 18–36 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1956. *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka (History of Ancient Tribes from the Upper Ob on the Basis of Excavations near Bolshaya Rechka)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 48. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Davydova, A. V. 1995. *Ivolginskiy arkheologicheskii kompleks. T. 1. Ivolginskoe gorodishche (Ivolginsk archaeological complex. Vol. 1: Ivolginskoye hillfort)*. Series: Arkheologicheskie pamyatniki syunnu (Xiongnu archaeological sites) 1. Saint Petersburg: "AziatIKA" Publ. (in Russian).

Davydova, A. V. 1996. *Ivolginskiy arkheologicheskii kompleks. T. 2. Ivolginskiy mogil'nik (Ivolginsk archaeological complex. Vol. 2. Ivolginsk burial ground)*. Series: Arkheologicheskie pamyatniki syunnu (Xiongnu archaeological sites) 2. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).

D'yakonova, V. P. 1970. In Potapov, L. P. (ed.). *Materialy po arkheologii i antropologii mogil'nika Kokel'* (*Materials on the archaeology and anthropology of the Kokel burial ground*). Series: Trudy Tuvinskoj kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Tuva complex archaeological and ethnographic expedition) III. Leningrad: "Nauka" Publ., 80–209 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX—XIII vv.* (*Munitions of Rider and Riding Horse in Rus' of 9th — 13th Centuries*). Series: Corpus of Archaeological Sources E1—36 (in Russian).

Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A., Matrenin, S. S. 2014. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* (*Theory and Practice of Archaeological Research*) 10 (2), 51–68 (in Russian).

Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov)* (*Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Funerary Monuments)*). Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Kungurova, N. Yu., Abdulganeev, M. T. 2019. *Maymynskaya kul'tura. Po materialam poseleniy Salaira i Predaltayskoy ravniny I-y poloviny I tys. n.e.* (*Mayma culture. Based on materials from the settlements of Salair and the Cis-Altai plain in the first half of the 1st millennium AD*). Barnaul: Altai State University (in Russian).

Mamadakov, Yu. T. 1990. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e.* (*Culture of the Central Altai population in the first half of the 1st millennium AD*). Diss of Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).

Minyaev, S. S. 1998. *Dyrestuiskii mogil'nik (Dyrestuj burial ground)*. Series: Arheologicheskie pamyatniki syunnu (Archaeological sites of the Hsiung-nu) 3. Saint Petersburg: "AziatIKA" Publ. (in Russian).

Mogil'nikov, V. A., Surazakov, A. S. 2003. In Soenov, V. I. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Altaya (Archaeology and ethnography of Altai)* 1. Gorno-Altai: Institute of Altaistics named after S.S. Surazakov, 26–63 (in Russian).

Savinov, D. G. 2009. *Minusinskaia provintsia khunnu (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 1984–1989 gg.)* (*Minusinsk province of the Xiongnu (Based on Archaeological Study Materials of 1984–1989)*). Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg State University (in Russian).

Seregin, N. N., Matrenin, S. S. 2020. *Sotsial'naya istoriya naseleniya Altaya v epokhu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arkheologicheskikh kompleksov.* (*The social history of the population of Altai in the era of nomadic empires (II century BC – XIV century AD): based on materials from archaeological complexes*). Barnaul: Altai State University (in Russian).

Seregin, N. N., Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Parshikova, T. S. 2019. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* (*Theory and Practice of Archaeological Research*) 28 (4), 51–68 (in Russian).

Seregin, N. N., Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Parshikova, T. S. 2022. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* (*Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*) (1), 122–133 (in Russian).

Seregin, N. N., Demin, M. A., Matrenin, S. S., Umanskii, A. P. 2022. *Altay v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (po materialam arkheologicheskogo kompleksa Karban-I)* (*Altai during the Great Migration period (based on the archaeological complex Karban-I)*). Barnaul: Altai State University (in Russian).

Soenov, V. I. 2017. In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 20 (8), 117–142 (in Russian).

Soenov, V. I., Ebel', A. V. 1992. *Kurgany gunno-sarmatskoy epokhi na Verkhney Katuni (Barrows of the Xiongnu-Sarmatian era on the Upper Katun)*. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University (in Russian).

Surazakov, A. S. 1990. In Molodin, V. I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya na Katuni (Archaeological studies on the Katun River)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 197–200 (in Russian).

Teterin, Yu. V. 2016. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya* (*Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology*) 15 (3), 87–96 (in Russian).

Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V. 2005. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov v doline r. Biyke (Gornyy Altay)* (*The complex of archaeological sites in the valley of the Biyka river (Gornyy Altai)*). Barnaul: Altai State University (in Russian).

Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Shmidt, A. V. 2018. *Altay v syan'biysko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka)* (*Altai in the Xianbei - Rouran period (based on the materials of the Stepushka site)*).

Series: Arkheologicheskie pamyatniki Altaya (Archaeological sites of Altai) 3. Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).

Troistkaya, T. N., Kandyba, A. V. 2007. In Tikhonov, S. S. (ed.). *Rytsar' sibirskoy arkheologii (Knight of Siberian archaeology)*. Omsk: Omsk State University, 298–302 (in Russian).

Shul'ga, P. I. 2010. *Sin'tszyan v VIII–III vv. do n.e. (Pogrebal'nye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya) (Xinjiang in the VIII – III centuries BC (Burial assemblages. Chronology and periodization))*. Barnaul: Altai State Technical University (in Russian).

Shul'ga, P. I., Umanskii, A. P., Mogil'nikov, V. A. 2009. *Novotroitskiy nekropol' (Novotroitsk necropolis)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

About the Authors:

Seregin Nikolai N. Doctor of of Historical Sciences. Altai State University, Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; nikolay-seregin@mail.ru

Tishkin Aleksey A. Doctor of Historical Sciences. Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; tishkin210@mail.ru

Matrenin Sergey S. Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; matrenins@mail.ru

Parshikova Tatyana S. Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; taty-parshikova@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.